

Мэлор СТУРУА,
Миннеаполис

И вот 16 апреля 2000 года письма Гарбо рассекретили. Специалисты и любопытствующие надеялись, что они приоткроют тайну сексуальной жизни “богини любви”, весьма щекотливую и двусмысленную. Но эпистолярная Гарбо осталась верной себе — скрытной во всем, что касалось ее частной жизни. Письма, во всяком случае, те, с которыми разрешили ознакомиться журналистам, все оставляют в подвешенном состоянии. В письмах Гарбо Акосте — обо всем и ни о чем — киноактриса называет поэтессу “моим мальчиком”, “сладкой” и другими ласкательными словами. В одном из писем она предупреждает Мерседес быть осторожной в своих письмах и не делать их достоянием гласности. Предупреждает она Акосту и против вращения в кругах гомосексуальной голливудской богемы тридцатых годов. Гарбо дает нагоняй Акосте за то, что она “сплетничает” об их дружбе, но одновременно приглашает ее к себе. Но вот в письме 1948 года, спустя много лет после того, как началась их дружба, Гарбо холодным тоном приказывает Акосте оставить ее в покое. Гарбо пишет, что “хочет быть одна”.

Музей и библиотека Розенбаха решили прессе ознакомиться лишь с четвертью переписки Гарбо — Акоста, однако заверили масс-медиа в том, что выборка носит “репрезентативный характер”. Ни одно из писем, показанных репортерам, не содержит каких-либо откровенных признаний в любви или ясных намеков на романтические отношения между этими двумя удивительными женщинами. Тем не менее было наложено табу на их обширное цитирование в средствах массовой информации. По словам Грей Хорен, внучатой племянницы Гарбо, которая присутствовала при открытии писем, а затем в частном порядке прочла их полностью, “они не

содержат конкретных доказательств того, что между этими женщинами были сексуальные отношения”.

Впрочем, такая двусмысленность полностью в духе Греты Гарбо, которая была весьма практичной, когда речь шла об ограждении имиджа ее романтического одиночества. Она обычно выходила из дома, закрыв лицо большими черными очками, закутавшись в шарф. Создается впечатление, что и письма Акосте она писала в черных очках и шарфе, больше смахивавшем на чадру. Письма Гарбо Акосте претят всевозможными мелкими поручениями; Гарбо дает ей советы, как dietиться; общается о визитах врачей; жалуется на бремя популярности. В одном месте Гарбо сообщает Акосте размер своей ноги — большой — 10-й (по-европейскому 39-й). Наконец, письма содержат советы Акосте, какие именно акции приобретать, а от каких отделиться. Короче, обмен повседневными пустяками, так сказать, рутина.

Так уж сложилось, что природа сексуальности Гарбо дебатруется в последние годы больше, чем ее артистическая карьера. “Классическая”, если можно так выразиться, таблоидная журналистика тех лет, когда Гарбо блистала на экране, предпочитала смаковать ее гетеросексуальные романы — с Джоном Гилбертом, ее партнером по картине “Плоть и дьявол”, со знаменитым дирижером Леопольдом Стоковским, с магнатом Джорджем Шли.

В те годы “таблоидного классицизма” мало кто обращал внимание на то, что Гарбо часто называла себя “мальчиком” и предпочитала брючные костюмы. В разговоре у нее то и дело проскальзывали такие фразы: “Я начала курить еще тогда, когда была маленьким мальчиком” или “Я одинокий мужчина, который совершает кругосветное путешествие”. Почему? Репортеры скандальной хроники писали, что Гарбо предпочитает брючные костюмы, ибо “ненавидит”, когда люди пялят глаза на ее восхитительные ножки. Серь-

Мерседес де Акоста,
любовь Греты Гарбо

езные биографы, например, Бэрри Парис, писали: “Гарбо любила приводить людей в замешательство или, во всяком случае, не рассеивать сложившееся вокруг нее замешательство. У нее был инстинкт мистификатора”.

Несколько слов о Мерседес де Акосте. Это была воистину незаурядная женщина. Отдавая должное ее пьесам, сценариям, поэзии, я не погрешу против истины, если скажу, что ее самым выдающимся произведением была она сама. Если верить ее автобиографии, то ни один донжуан в мире не может похвастать такими победами, как она. Достаточно сказать, что ее любовницами были Марлен Дитрих, Айседора Дункан и Грета Гарбо!

Акоста родилась в Соединенных Штатах, но происходила из клана испанских аристократов-католиков. Она была активной феминисткой и суфражисткой и, подобно Гарбо, причисывалась и одевалась как мужчина. Формально она была замужем за художником Абрамом Пули, но их брак был скорее декорумом. В автобиографии, озаглавленной несколько экспансивно “Здесь бьется сердце”, Акоста пишет, что впервые увидела Гарбо в Константинополе. В конце 20-х годов, пишет она, “Гарбо была одной из самых

красивых женщин, которых мне когда-либо доводилось видеть”. Гарбо и Акоста познакомились в 1931 году на голливудской вилле сценаристки Салки Виртель. Гарбо понравился браслет, который был на руке Акосты, и та тут же подарила его ей. Во время следующей встречи Гарбо преподнесла Акосте цветок. Затем женщины уехали на небольшой островок на озере Сильвер-Лейк в Неваде, где провели, если верить Акосте, “шесть восхитительных недель”. “Грета, с развевающимися волосами, с лицом, подставленным ветру и солнцу, прыгала с камня на камень на своих босых эллиптических ногах”, — вспоминала экзальтированная Мерседес.

Но кроме островов в жизни бывают и материи; а на материке Гарбо охладела к Акосте. Акоста стала преследовать ее, и дива иногда одаряла ее “крошками своей любви”, как пишет в “Нью-Йорк таймс” Диниция Смит. (О письмах Гарбо Акосте я пишу с ее скупых слов. Сам я этих писем пока не читал, а она была вынужденно скупа в цитировании, ибо таковым было условие допуска к оригиналам.) В 1935 году Гарбо и Акоста вновь встретились в Швеции. Вспоминая эту встречу, Гарбо писала Салке Виртель: “После ее ухода я чувствовала себя разбитой. Я сказала ей, что она должна перестать писать мне. Это было грустное прощание”.

Женщины разошлись, но время от времени продолжали встречаться. Драматичной была их встреча в 1957 году. Гарбо подошла к двери дома, где жила Акоста, и сказала ей с надрывом: “У меня нет никого, кто бы ухаживал за мной”. Однако отказалась дать номер своего телефона. После того как в 1960 году Акоста издала свои мемуары, Гарбо порвала с ней все отношения — и личные, и эпистолярные. В своих мемуарах Акоста нигде прямо не упоминает, что она и Гарбо были любовниками, точно так же, как Гарбо в своих только что рассекреченных письмах.

